

СЕРГЕЙ ДРОЖЖИН

ПРИЗРАК НЕОНАЦИЗМА

Сделано
в Новой Европе

ТАЙНЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

Сергей Дрожжин Призрак неонацизма. Сделано в новой Европе

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083415
Сергей Дрожжин / Призрак неонацизма. Сделано в новой Европе: Алгоритм;*

Аннотация

Мало кто знает, что антисемитизм и расистские взгляды всегда были широко распространены в этой стране и не случайно стали типичными для некоторых немецких политических деятелей. При этом антисемитизм и расизм не умерли с гибелью нацистского государства – они живы в Германии и сейчас.

Задача этой книги – восполнить пробелы в нашем представлении о Германии, а также сделать для себя выводы на будущее.

Содержание

Предисловие	5
Глава I Спор историков	6
Глава II Краткая история антисемитизма в Германии	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Дрожжин Призрак неонацизма. Сделано в новой Европе

Едва ли какой-нибудь другой народ больше изучает историю, нежели мы, немцы. Но едва ли найдется другой народ, кто хуже применял бы в жизни это изучение, чем мы.

А. Гитлер

Предисловие

По целому ряду причин в России существуют смутные понятия о новейшей истории Германии. Так, например, мало кто знает, что антисемитизм и расистские взгляды всегда были широко распространены в этой стране и не случайно стали типичными для некоторых немецких политических деятелей. При этом антисемитизм и расизм не умерли с гибелью нацистского государства – они живы в Германии и сейчас.

Отметим также, что широко распространенное у нас представление о Германии как о стране «поэтов и философов» плохо соотносится с преступлениями немцев во время Второй мировой войны. В частности, войну против нашей страны, жертвами которой стали десятки миллионов наших соотечественников, большинство немцев считали и продолжают считать «справедливой». Они полагают, что они боролись против «мирового зла» и защищали от «иудео-большевистских варваров» европейскую «культуру».

Нападение нацистской Германии на Советский Союз в сознании большинства немцев отделено от понятия «холокост», хотя такое положение, как указывает немецкий историк И.Келер, весьма далеко от истины. Однако мнения отдельных историков не могут изменить структуру самосознания нации.

В отличие от нас немцы далеки от того, чтобы идеализировать Россию и русских.

К тому же немцы оказались побежденными во Второй мировой войне. Что хуже всего для них, так это то, что они оказались слабее той страны и того народа, который они так искренне презирали и ненавидели. Решающее военное поражение Германии во время Второй мировой войны было нанесено людьми, которых немцы презрительно называли «недо-людьми».

Таким образом, если в русских представлениях о Германии преобладает беспочвенная и опасная идеализация немецкого менталитета, то в германских представлениях о России явно видна злобная демонизация нашей страны. Ни то, ни другое положение нельзя назвать нормальным.

В Германии часто цитируют М.С. Горбачева, который, имея в виду Э. Хонеккера, сказал: «Кто опаздывает, того наказывает история». Однако история готова так же легко наказать и того, кто не имеет полной информации о предмете своего рассуждения.

Задача этой книги – восполнить пробелы в нашем представлении о Германии, а также сделать для себя выводы на будущее.

Глава I Спор историков

Так называемый «спор историков» начался в 1986 году. Но уже тогда многим как в Германии, так и за ее пределами было ясно, что этот спор будет длиться очень долго.

«Спор историков» связан в первую очередь с именем Эрнста Нольте, профессора Свободного берлинского университета. Три работы Э. Нольте – «Фашизм и его эпоха», «Германия и холодная война», а также «Марксизм и индустриальная революция» сделали его заметной фигурой среди исследователей в области новейшей истории Германии.

Собственно «спор историков» в Германии начался с того, что Э. Нольте отказался принять участие в традиционной дискуссии во Франкфурте (Roemerberg-Gespraechе), так как ему показалось, что ее организаторы больше внимания уделили его коллеге и оппоненту влиятельному историку Вольфгангу Моммзену. Тогда Э. Нольте решил отказаться от участия во встрече и передал текст своего выступления газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг», где он и был опубликован. Статья Нольте называлась «Прошлое, которое не проходит». Именно публикация этой статьи и содержащиеся в ней тезисы вызвали противоречивую, но бурную реакцию в немецком обществе. Полемика по этому поводу, в первую очередь в средствах массовой информации, и составляет собственно то, что принято называть «спором историков».

В этой статье Э. Нольте посетовал на то, что нацистское прошлое в Германии никак не хочет проходить. Более того, оно – это прошлое, – по его мнению, претендует занять место настоящего, или висит над ним как дамоклов меч.

Один из центральных тезисов Э. Нольте состоит в том, что политику физического уничтожения евреев, проводившуюся фашистским режимом Гитлера, следует рассматривать в тесной связи с вопросом об уничтожении гражданского сословия в России, а также с уничтожением кулачества, то есть крестьянства. Э. Нольте утверждает также, что германский фашизм следует оценивать как «зеркальное отражение русской революции и в определенной степени марксизма».

Центральным для профессора Э. Нольте является также понятие «азиатского преступления». В этой связи немецкий историк вспоминает Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера, одного из ближайших соратников Гитлера. В 1915 году фон Шойбнер-Рихтер был консулом в Эрзеруме, где он мог непосредственно наблюдать за геноцидом армян в Турции. Это было первым большим геноцидом в XX столетии. Преступления турок против армян профессор берлинского университета классифицировал как «азиатское преступление».

Статья «Прошлое, которое не проходит» содержала, разумеется, только основные тезисы Э. Нольте. Затем его взгляды получили развитие в его последующих статьях, а также монографиях.

Э. Нольте приводит в одной из своих работ реакцию А. Гитлера на первые сообщения о поражении вермахта под Сталинградом (1 февраля 1943 г.). Тогда А. Гитлер якобы предположил, что некоторые из немецких офицеров будут сотрудничать с «Советами». «Представьте себе «клетку с крысой». Тогда они все что угодно подпишут». (А. Гитлер, если верить этому нацистскому апокрифу, имел в виду конкретный вариант пытки с использованием изголодавшихся крыс, который якобы использовался «на Лубянке»). Э. Нольте также прокомментировал и известный эпизод из книги Оруэлла «1984», где автор, по мнению немецкого историка, имел в виду не Лубянку, а некую «китайскую ЧК».

В любом случае для Э. Нольте эта клетка с крысой необходима для того, чтобы подчеркнуть «азиатский» характер преступлений, которые якобы совершались в определенных странах Востока, в первую очередь в России. Этот тезис об «азиатском преступлении» Э. Нольте самым активным образом будет затем использовать для доказательства своего

весьма сомнительного тезиса о «превентивном» характере войны нацистской Германии против СССР.

Анализ подобного рода «азиатских преступлений» приводит Э. Нольте к выводу о том, что «уникальность» немецкого фашизма состоит только в использовании газовых камер для геноцида и современных индустриальных методов физического уничтожения людей – все остальное в истории уже якобы было.

Уже на этом этапе знакомства с концепцией Э. Нольте можно сделать заключение о том, что он приводит сравнения нацистского режима в Германии с другими режимами в первую очередь для того, чтобы свести до минимума «уникальность» преступлений немцев во время Второй мировой войны. Нольте прибегает уже к испытанному методу «банализации при помощи сравнения». Обыденность преступления, по мнению сторонников этого подхода, лишает историческое событие статуса уникальности. Как раз в этом и состоит одна из целей Э. Нольте.

После «клетки с крысами» Э. Нольте делает в своих рассуждениях следующий шаг и формулирует вопрос – не являются ли преступления Гитлера следствием опасений, связанных с тем, что он считал себя возможной жертвой таких «азиатских пыток». В таком случае Аушвиц – это только реакция на русский ГУЛАГ, а «уничтожение наций» – реакция на «уничтожение классов».

На основе всех этих «притянутых за уши» аргументов Э. Нольте делает вывод о том, что уничтожение евреев – это «понятная» (значит оправданная) реакция А. Гитлера на те угрозы, которые чувствовал сам вождь немецкой нации. Отметим, что уничтожение русских и здесь вынесено за скобки для удобства самооправдания.

В последнее время в немецком обществе Э. Нольте считают апологетом нацистского режима. В этой связи многие напоминают о том, что он был учеником известного философа Мартина Хайдеггера, который в свое время был активным членом НСДАП. Учитель Э. Нольте и признанный немецкий философ также утверждал, что войска СС проводили «позитивную» демографическую политику. Но хорошо известно, что войска СС участвовали только в массовых расстрелах и депортациях, и что в данном случае они делали «позитивного»?

Конечно, А. Гитлер связывал с войсками СС в том числе и определенные демографические преступления против человечности, участвуя в массовом физическом уничтожении невинных людей на оккупированных территориях.

Не вызывает удивления и то, что Э. Нольте активно выступал против создания мемориала жертвам холокоста в центре Берлина. «Как тотальное забвение, так и тотальное напоминание являются негуманными», – заявил он.

Сторонники концепции Э. Нольте, как и он сам, считают, что марксизм следует считать «идеологией уничтожения», а большевизм – практической реализацией этого учения.

Но даже если признать марксизм «идеологией уничтожения», то из этого неизбежно следует вывод, что Германия в XIX веке породила две «идеологии уничтожения» – это марксизм и элиминаторный расизм. Не следует забывать, что Германия активно сотрудничала с наиболее радикальными русскими партиями, в том числе и с большевиками, которых официальные власти этой страны снабжали значительными финансовыми средствами.

Интересно, что в своих рассуждениях Э. Нольте использует только термин «большевики». Но не говорит, что для руководства НСДАП, в первую очередь для самого А. Гитлера, слова «большевики» и «евреи» были синонимами. Фюрер не изменил этого отношения даже тогда, когда к власти в Советской России пришел И.В. Сталин.

Кроме того, что касается войны против Советской России, то помимо уничтожения евреев, русских и других народов нацисты пытались захватить и ограбить значительную

часть территории нашей страны, и это была двуединая цель. К моменту начала агрессии против Советского Союза А. Гитлера уже мало интересовали сведения о количестве евреев в советском руководстве. Его в значительно большей степени интересовало жизненное пространство (Lebensraum), захватить которое он рассчитывал.

В одной из своих работ Э. Нольте приводит дневниковую запись Й. Геббельса, датированную июлем 1926 года. Будущий нацистский министр пропаганды записывает свои впечатления от прочтения книги о Распутине некоего И. Наживина. «Еврей – это антихрист мировой истории», – замечает Й. Геббельс.

«В России продолжаются показательные процессы, – цитирует далее Э. Нольте запись Й. Геббельса от 27 января 1937 года. – Евреи пожирают друг друга. У фюрера: он изображает Россию в ее безутешности и дезорганизации. Эта система доносительства и террора была бы для немецких условий совершенно неприемлемой. Там господствуют дикость и безумие».

Наивно было бы полагать, что Э. Нольте также считает, что в системе нацистского государства доносительство и террор не играли никакой роли. Конечно, как историк он не может не знать, что и доносительство, и террор были центральными элементами нацистской системы правления. Э. Нольте должен согласиться с тем, что резкая радикализация и определенный культ насилия стали доминирующей политической тенденцией внутри Германии в 1920-е годы, и это не имело никакого отношения к тем событиям, которые происходили в СССР.

Интересно также приводимое Нольте замечание А. Гитлера о «дезорганизации» в России. Очевидно, фюрер не испытывал никакого страха и не считал, что какая-то угроза, кроме еврейского большевизма, может исходить из Советской России. Как можно бояться страны, в которой царят разруха и дезорганизация? И даже если это и не соответствовало действительности, но таково было видение А. Гитлера, а именно он принимал основные решения. Вообще достаточно странным кажется желание Э. Нольте построить свое рассуждение на мнимом страхе немецкого фюрера. Хорошо известно, что он проявил себя во время Первой мировой войны скорее как храбрый человек и заслуженно был награжден железным крестом первой степени.

Далее Э. Нольте приводит мнение Сони Марголиной, дочери российских коммунистов «еврейского происхождения», эмигрировавшей после Второй мировой войны из Советской России в Западную Германию. «Трагедия евреев состояла в том, – пишет С. Марголина, – что у них не было политического выбора, чтобы избежать мести за исторические преступления евреев – их значительной роли в русской революции. Победа советского режима на время обеспечила им спасение, но возмездие еще было впереди».

Но Э. Нольте напрасно считает С. Марголину своим единомышленником и соавтором его пресловутого «каузального некуса». Эмигрировавшая дочь российских коммунистов явно сожалеет о том, что русская революция, в которой столь активную роль сыграли евреи, стала причиной гибели большого количества невинных людей. Она вовсе не оправдывает А. Гитлера, напавшего на Советский Союз и истребившего миллионы невинных людей, в том числе и евреев.

Однако Нольте оценивает ее слова по-другому: «Соня Марголина намеренно формулирует тезис, который можно назвать самым табуизированным мнением в Германии с 1945 года, а именно: существовал каузальный некус между поведением евреев во время большевистской революции и Аушвицем, или, если говорить более популярно: евреи сами виноваты в тех несчастьях, которые на них обрушились с началом войны».

Э. Нольте ссылается в одной из своих работ на мнение Дитера Поля, который считает, что поляки в Галиции не проявляли сострадания во время операций по физическому уничто-

жению евреев, а многие из них наивно полагали, что в этих действиях проявляется «историческое возмездие».

Опираясь на мнение современного еврейского писателя Джорджа Стайнера, Э. Нольте пытается подвести своего читателя к мысли о том, что марксизм – это исключительно иудейская форма секуляризованного мессианства.

«Для национал-социалистов, – продолжает Э. Нольте, – было достаточно причин считать евреев «народом-врагом», но сами евреи были главной причиной этой враждебности». Не стоит удивляться и тому, что Э. Нольте считал оправданным интернирование всего еврейского населения Германии после известного заявления председателя «Еврейского агентства» Хаима Вейцмана.

Все эти весьма странные цитаты и собственные рассуждения Э.Нольте нужны ему для того, чтобы сделать, как уже упоминалось, свой основной вывод, который состоит в том, что главный в нацистской Германии человек, определявший политику страны во всех ее аспектах, сам боялся быть уничтоженным и именно поэтому принял решение о физическом уничтожении евреев, применяя, таким образом, опережающую превентивную тактику.

При описании войны Германии против Советского Союза Э. Нольте берет слово «нападение» в кавычки, подчеркивая тем самым его якобы неуместность. Взамен слова «нападение» Э. Нольте предлагает использовать термин «решительный бой» или «превентивная война». Но в данном случае даже нет предмета спора. Это было нападение, и нападение вероломное.

Еще менее убедительными выглядят, на мой взгляд, попытки Э. Нольте оправдать намеренное уничтожение советских военнопленных в первые месяцы после начала войны Германии против Советского Союза. Сравнить умышленное умерщвление 3,5 млн. советских солдат с судьбой 6-й немецкой армии под командованием генерала Паулюса некорректно, так как Советский Союз не нападал на Германию, а это очень упрямый факт. Но даже если каким-то образом и сравнивать судьбу 3,5 млн. красноармейцев и 95 тыс. солдат и офицеров 6-й армии, то само соотношение цифр делает это невозможным.

Э. Нольте и в данном случае наглядно демонстрирует замеченное в немцах ими самими «отсутствие способности к состраданию» по отношению к другим народам. Его совершенно не волнует судьба советских военнопленных. Более того, он даже не приводит хорошо известную цифру совершенно диким образом умерщвленных советских солдат, не забыв, однако, сказать о 100 тыс. немцев, якобы не вернувшихся из советского плена, что не соответствует действительности.

Так же легко Э. Нольте справляется и с пресловутым «приказом о комиссарах». Он считает, что суть этого приказа состоит в том, что он обращает внимание немецких солдат на то, что советские солдаты будут нарушать международное право. Такое толкование не имеет под собой никаких реальных оснований. Смысл этого приказа состоял в том, что немецких солдат заранее «освобождали» от норм международного права, международных конвенций и солдатского товарищества.

Почти с сожалением Э. Нольте пишет о том, что не оправдалось предсказание А. Гитлера, что большевики в случае захвата Германии уничтожат «миллионы и миллионы» представителей немецкой интеллигенции. Большой вопрос, можно ли было бы тогда найти в Германии «миллионы и миллионы» интеллигентов.

Э. Нольте, как представляется, огорчен и тем обстоятельством, что ему не удалось найти случаев, когда в Советской России обреченных на смерть людей поездами отправляли в какой-либо лагерь с целью их незамедлительного физического уничтожения на месте. Поэтому Э. Нольте, несмотря на все его невероятные усилия, тем не менее, вынужден признать, что лагеря смерти являются уникальным немецким феноменом, не имеющим преце-

дента в мировой истории. Он говорит о том, что в Аушвитце (а разве только в этом немецком лагере смерти? – С.Д.) было загублено немцами так много людей, которые могли бы в других условиях реализовать свой творческий потенциал.

4 июня 2000 года Э. Нольте получил премию имени бывшего федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, учрежденную фондом «Германия». Она была вручена ему директором мюнхенского Института современной истории Хорстом Меллером. Даже Ангела Меркель – нынешний федеральный канцлер, бывшая тогда председателем ХДС, заявила, что в случае с Э. Нольте у нее есть «личная проблема».

* * *

Известный немецкий историк Андреас Хилльгрубер также принял самое активное участие в «споре историков». Его главный тезис состоит в том, что физическое уничтожение евреев в Европе – такое же преступление, как и разоружение «прусско-немецкой империи». Это означает, что немцев, по его мнению, следует рассматривать в качестве жертв событий, произошедших во время и сразу после Второй мировой войны. При этом речь не идет о какой бы то ни было ответственности за уничтожение миллионов людей на территории бывшего СССР. Подобная точка зрения оказалась чрезвычайно популярной среди неоконсервативных кругов в Германии, о чем красноречиво свидетельствуют последние заявления бывшего кандидата в канцлеры от блока ХДС-ХСС и премьер-министра федеральной земли Баварии Эдмунда Штойбера, открыто поддерживающего требования «Союза изгнанных».

Эрнста Нольте и Андреаса Хилльгрубера в «споре историков» активно поддержали также Микаэль Штюрмер и Клаус Хильдебранд. К числу их наиболее последовательных и активных критиков следует отнести американских историков Феликса Гильберта и Питера Гея. Активное участие в дискуссиях как оппоненты Нольте и К^о принимали видные немецкие историки – Эберхард Йекель, Мартин Броскат, Ханс Моммзен, Вольфганг Моммзен, Юрген Кока, Хайнрих Аугуст Винклер и многие другие.

Историк и публицист Микаэль Штюрмер, пользующийся в последнее время в стране большой популярностью, родился в 1938 году. Он защитил диссертацию в университете Марбурга под руководством профессора истории Э. Маттиаса. Диссертация была посвящена созданию коалиций и оппозиционных движений в Веймарской республике и, по мнению некоторых специалистов, до сих пор не утратила своего значения.

Следующее историческое исследование М. Штюрмера было проведено им уже в университете города Мангейма и было посвящено особенностям государственной системы Германии во время правления О. фон Бисмарка.

В определенный момент М. Штюрмер вместо того, чтобы продолжить свою успешно начатую научную карьеру, стал в большей степени заниматься написанием популярных статей и журналистикой, выступать с лекциями вне студенческих аудиторий для широкой публики. Уже тогда он начал обращать особое внимание на вопросы геополитики, национального самосознания и интерпретации истории. К этому же периоду относится и его знакомство с будущим федеральным канцлером Гельмутом Колем.

Более интенсивные занятия политикой, а также журналистская работа привели М. Штюрмера к тому, что в его арсенал вошли традиционные для Германии клише, в первую очередь такие, как «опасность с Востока».

В этот момент центральное место в системе координат немецкой истории для М. Штюрмера стало занимать понятие «срединного» положения Германии в Европе. При этом он опирался на мнение английского специалиста по Германии Джона Селея (John Seeley),

по мнению которого степень свободы внутри отдельно взятого государства в значительной мере зависит от того давления, которое оно испытывает на своих границах (Wehler, 33).

Дж. Селей узнал о существовании подобной теории, истоки которой уходят к начальному периоду геополитики, находясь в Германии, и сразу же с большим энтузиазмом взял ее на вооружение, а затем эта теория была уже реэкспортирована на свою родину как авторитетный английский интеллектуальный продукт (Wehler, 34).

Взгляды М. Штюмера оказались близки Г. Колю, и это привело к тому, что М. Штюмер стал советником Г. Коля и так называемым «спичрайтером», то есть автором текстов его публичных выступлений или только «гострайтером» («ghost-writer»), время от времени редактирующим эти выступления, – по этому поводу нет единого мнения. В любом случае он стал человеком политически весьма близким к руководству партии ХДС-ХСС.

В это время одна из самых влиятельных и консервативно настроенных газет «Франк-фуртер альгемайне цайтунг» два раза в месяц предоставляла М. Штюмеру место на первой полосе, где он публиковал свои передовые статьи. В то же время он активно продолжал свою публицистическую работу, активно печатался и в других изданиях. В своих выступлениях М. Штюмер активно призывал к тому, чтобы историческая наука стала принимать активное участие в формировании немецкого самосознания.

Наиболее значительные статьи М. Штюмера появились в 1986 году в сборнике «Диссонансы прогресса» – как раз тогда, когда и разразился в Германии так называемый «спор историков».

Но главная идея М. Штюмера была сформулирована им значительно позднее, и это произошло уже в контексте самого «спора историков».

Предметами его изучения стали теперь такие понятия, как «нация» и «национальная идентичность». Какая сила может стабилизировать эту идентичность, – задает он вопрос и сам на него отвечает: только история. Точнее – ее толкование, удобное для политиков (Wehler, 69). Историки, по М. Штюмеру, и должны формировать национальное самосознание.

В мае 1986 года в журнале «Парламент» М. Штюмер опубликовал статью, в которой заявил, что «потеря ориентации» в обществе и «поиск идентичности» являются родственными понятиями (Wehler, 70). «Однако тот, кто думает, – продолжает М. Штюмер, – что все это не оказывает никакого влияния на политику и на будущее, тот игнорирует то обстоятельство, что в лишенном истории государстве именно тот выигрывает битву за будущее, кто заполняет сферу воспоминаний, определяет понятия и истолковывает прошлое» (Wehler, 70). По мнению М. Штюмера, эту задачу способны выполнить только историки.

В такой постановке вопроса в рамках немецкой интеллектуальной традиции нет особенно ничего нового. Еще известный немецкий философ В. Дильтей говорил: «То, что мы определяем в будущем как цель, обуславливает определение значимости прошедшего».

Здесь напрашиваются столь привычные для германской традиции сравнения. Историки должны выступать в качестве благородных рыцарей, охраняющих священную чашу Грааля, верховными понтификами и жрецами национальной традиции. М. Штюмер, по сути дела, предлагает создать касту избранных, которые, в интересах государства и национального самосознания, будут, во-первых, выбирать определенные исторические эпизоды, а во-вторых, будут толковать их, используя специально подобранные для этой цели термины.

Естественно, сразу же возникает вопрос: а какую часть из немецкой истории М. Штюмер предлагает избрать для того, чтобы толковать ее с целью конструирования элементов национального самосознания? Совершенно очевидно, что он будет в данном случае таким образом подбирать исторические факты, чтобы Германия воспринималась самими немцами в первую очередь как страна «поэтов и философов» (и немного историков?).

По мнению самого М. Штюмера, история Веймарской республики для этого не подходит. «Плюрализм ценностей и интересов, – подчеркивает он, – рано или поздно приводит

к социальной гражданской войне, как это было в конце Веймарской республики» (Wehler, 71). Это очень показательное замечание М. Штюрмера, тем более, если учитывать при этом, насколько близко он находился в определенный момент к высшим эшелонам власти в ФРГ.

Можно ли сказать, что современных немцев возможно объединить на их негативном отношении к Советскому Союзу? Несомненно. Получается так, что если сделать на этом акцент, то одновременно можно решить и еще одну задачу – релятивировать преступления немцев во время Второй мировой войны, особенно совершенные на оккупированных территориях Советского Союза.

При выборе удобоваримых исторических сюжетов, а также при их толковании М. Штюрмер использует традиционные для этого «апологетического» направления приемы. Так, он называет бомбардировку Дрездена в феврале 1945 года американцами и англичанами «второй Хиросимой». Этот прием, который использует и Э. Нольте, уже получил название «тривиализация через сравнение». Но ведь это не точное сравнение. При бомбардировке Дрездена не применялось атомное оружие. Конечно, и в том и в другом случае речь идет об акциях устрашения, направленных в том числе и против гражданского населения. Но разве немцы, развязавшие войну, пощадили гражданское население других стран? А в 1945 году всем было ясно, что нацистская Германия не может победить в этой войне. А это означает, что сотни тысяч жизней, если не миллионы, могли бы быть спасены, если бы руководство «третьего рейха» заняло более разумную позицию. Вместо этого была реализована самоубийственная концепция «тотальной войны».

Здесь опять приходится констатировать, что многие в Германии до сих пор выражают сожаление только по поводу собственных жертв. Это «неумение сострадать» в последнее время стало особенно актуальным после того, как в моду вошла тема «немцы как жертвы Второй мировой войны».

Все это делается, конечно же, не случайно. Таким образом препарируется история, ее резервуары заполняются соответствующим содержанием, и именно этот состав предполагается использовать для формирования устойчивого национального самосознания.

Справедливости ради следует признать, что в подобном подходе наличествует много рациональных элементов. И, если бы немцы смогли, оставаясь только в рамках своей «немецкости», реализовать эту задачу, возможно, по этому поводу не было бы и особого шума. Никто не будет спорить с тем, что для создания устойчивого национального самосознания любой нации необходимо наличие определенной степени национального консенсуса. Основания этого консенсуса должны быть не только политическими, но и по необходимости историческими. Надо хорошо себе представлять, как нация видит себя в контексте своей собственной, а также мировой истории. Можно было бы добавить, что этот исторический контекст должен быть, по возможности, политически корректным.

Однако новоиспеченным хранителям германского Грааля совершенно необходимы исторические сравнения для того, чтобы добиться построения устойчивого национального самосознания немцев. Для этих целей им приходится использовать так называемый «русский нексус». Другими словами, для того, чтобы современные немцы стали хорошими, все остальные – в первую очередь русские – должны по определению быть плохими.

М. Штюрмер, конечно же, отдает себе отчет в том, какую титаническую задачу он пытается возложить на плечи немецких историков. Все эти избранные жрецы музыки истории Клио должны балансировать между созданием позитивных исторических смыслов, с одной стороны, а с другой – прибегать в случае необходимости к демифологизации истории.

Как и многие политики, М. Штюрмер активно выступал за объединение Германии. Но уже сейчас очевидно, что это было политизированное решение, у которого было очень много противников среди самых влиятельных европейских политиков. В любом случае можно говорить о том, что тот сценарий, по которому поспешно проводилось объединение Герма-

нии, был не единственно возможным и, скорее всего, не самым оптимальным. Однако исторические параметры были так узко интерпретированы, в том числе и историками, что это во многом облегчило этот процесс.

Кстати, не критическое отношение к понятию «единство» немецкой нации почти автоматически актуализирует вопрос о территориях. Получается, что Германия начинает претендовать на часть земель Польши, Чехии, а также Калининградскую область. Этой лазейкой уже воспользовались активисты «Союза изгнанных» в Германии. Их представители открыто заявляют о том, что Кенигсберг – неотъемлемая часть их национального самосознания.

Следует признать, что основой конструкции М. Штюрмера является немецкое государство в том виде, в котором оно существовало с 1871 года. И все его попытки создания модели устойчивого национального самосознания вращаются вокруг этого достаточно сомнительного периода в немецкой истории. Дело в том, что «второй рейх» был создан на волне победы над Францией и связанных с этим милитаристских чувствах. Это архаичный материал с точки зрения современных представлений, хотя на военно-патриотическом порыве легче всего, как представляется, формируется это самое национальное самосознание.

Штюрмер мог бы начать движение в сторону культурных элементов («Германия – страна поэтов и философов»), но это, как оказалось, очень трудно, поскольку у многих столпов германской культуры отчетливо прослеживаются элементы национальной ограниченности и явно или неявно выраженного антисемитизма. Вообще достаточно сложно говорить о том, может ли национальное самосознание немцев быть лишено подавляющего влияния германского (молодого по историческим меркам и, следовательно, незрелого, как показывает история) государства.

В своих рассуждениях о национальной идентичности немцев М. Штюрмер часто обращается также к традициям геополитики. Напомним, что идеи Карла Хаусхофера оказали большое влияние на А. Гитлера и на его планы, связанные с попытками завоевания жизненного пространства.

Следует отметить, что вопросы, связанные с геополитикой, весьма актуальны в последнее время не только в связи с книгами З. Бжезинского. Значительно более важным представляется то обстоятельство, что с точки зрения классической геополитики многие вопросы до сих пор остаются «нерешенными». Так, англичанин Х. Макиндер, существенным образом повлиявший на А. Гитлера, постоянно повторял: «Тому, кто владеет сердцевиной территории (Herzland), принадлежит мировое господство». Под «сердцевиной» английский геополитик понимал в первую очередь европейскую часть России (Fest, 326). Применительно к мировоззрению А. Гитлера можно было бы сказать, что все это – околонуточные размышления, не имеющие ничего общего с действительностью. Но разве М. Штюрмер не предлагает своим соотечественникам такие конструктивные элементы национального самосознания, которые также можно было бы назвать «околонучными»? В любом случае, использование сравнений не делает подобные попытки научными.

В своих статьях М. Штюрмер, как уже упоминалось, часто говорит о «срединном» положении Германии, о неустойчивости этого положения, о «логике», вытекающей из этого «срединного положения», и т. д. Он считает, что в «срединном» положении его родины заключается как «искушение», так и «проклятие» Германии. Он считает, что все взлеты и поражения Германии связаны, в первую очередь, с ее геополитическим положением в Европе.

* * *

Тезис Э. Нольте об «азиатском преступлении» и «первопричинности» политики государственного геноцида оспорили многие авторитетные историки во время развернувшейся в Германии дискуссии по этому поводу. Среди них можно назвать и одного из самых глубоких знатоков нацистского периода и собственно биографии А. Гитлера историка из Штутгарта Эберхарда Йекеля (Eberhard Jaekel). Этот авторитетный специалист утверждал, что политика национал-социалистов в отношении евреев «была потому беспримерной (einzigartig), что никогда раньше государство вместе с авторитетом своего ответственного руководителя (Fuehrer) не принимало и не провозглашало подобного решения, на основании которого определенная группа людей, включая стариков, женщин и детей, включая младенцев, должны были быть по возможности целиком уничтожены, и это решение осуществлялось при помощи всех имеющихся в распоряжении государственных средств» (Wehler, 100). Это мнение Э. Йекеля оказалось настолько убедительным, что его никто из участников «спора историков» так и не смог оспорить.

Но Э. Йекель справедливо сформулировал и еще один вопрос – а что бы изменилось, если бы преступления нацистов не были бы чем-то особенным, свойственным германской истории, а имели какие-то аналоги. Очевидно, что ни масштабы этих преступлений, ни мера ответственности немцев перед своими жертвами, перед своей собственной историей и своим собственным народом не изменились бы.

В своей полемике с Э. Нольте Э. Йекель затронул и еще один «нексус» или узел германско-русской истории. Он подверг сомнению обоснованность установления прямой зависимости между «азиатско-большевистской» практикой уничтожения своих врагов и элиминаторной практикой нацистского государства. Напомним, что Э. Нольте утверждал, что политика физического уничтожения целых народов была для нацистского руководства только «имитацией» практики «иудео-большевиков» в России.

Продолжая полемику с Э. Нольте, Э. Йекель особенно подчеркивает то обстоятельство, что сам А. Гитлер достаточно подробно, в том числе и в письменной форме, изложил свои взгляды на то, почему евреи, русские и другие представители «низших рас» должны были подвергнуться физическому уничтожению. С точки зрения этой концепции А. Гитлера ссылка на «клетку и крысами» не имеет никакого значения.

Э. Йекель считает, что «засилье евреев» в Советской России А. Гитлер воспринимал как показатель «слабости этого государства». Именно поэтому он считал Советскую Россию «колоссом на глиняных ногах». Очевидно также, что А. Гитлер не мог допустить и мысли о том, что ариец может испугаться «еврейского или славянского недочеловека». И действительно, есть достаточно оснований говорить о том, что вплоть до конца 1941 года «фюрер» продолжал рассматривать Советскую Россию как «колосс на глиняных ногах». И здесь Э. Йекель еще раз подчеркивает, что ни тезис о «превентивном убийстве», ни тезис о «превентивной войне» не имеют под собой никаких исторических оснований.

Вступив в полемику с Э. Нольте, еще один авторитетный немецкий историк Мартин Бросцат (Martin Broszat) сказал о том, что, хотя гипотезы и оправданы в исторических исследованиях, тем не менее, историк должен в первую очередь руководствоваться научными критериями в своей аргументации. По мнению М. Бросцата, Э. Нольте постоянно переходит границы «эмпирического» исторического исследования, и его аргументы свидетельствуют скорее о тенденциозном «ловкачестве», нежели о желании следовать исторической правде.

М. Бросцат считает, что рассуждения Э. Нольте больше подходили бы «праворадикальному публицисту с плохим школьным образованием (выделено мной. – С.Д.), а не профессору Свободного берлинского университета».

В связи с этим М. Броскат задает вопрос, почему К. Хильдебранд так восхваляет Э. Нольте в журнале «Хисторише цайтшрифт». Неужели К. Хильдебранд не замечает при этом основных тезисов Э.Нольте?

Резкой критике со стороны М. Броската подвергся также и М. Штюрмер, особенно в связи с выходом его сборника статей под общим названием «Диссонансы прогресса». В первую очередь он обвиняет М. Штюрмера в попытке создания своего рода эрзац-религии на основе толкования истории.

Как уже отмечалось, М. Штюрмер был очень близок к наиболее влиятельным кругам христианских демократов. Не случайно некоторые члены бундестага, в первую очередь тогдашний председатель фракции ХДС-ХСС в бундестаге А. Дреггер, вполне разделяют его взгляды. «Без элементарного патриотизма, – заявил А. Дреггер в бундестаге, – который воспринимается другими народами как нечто само собой разумеющееся, наш народ не сможет выжить. Тот, кто собирается воспользоваться в своих собственных интересах процессом «овладения историей», который, конечно же, был необходим, с целью лишить наш народ будущего, тот столкнется с сопротивлением с нашей стороны» (Wehler, 102).

Для известного историка из немецкого города Бохума Г. Моммзена попытка Э.Нольте создать связь между нацистской Германией и ГУЛАГом представляется «сознательно сконструированной» и «неискренней».

Обращает на себя внимание тот факт, что даже настроенные критически по отношению к Э. Нольте и М. Штюрмеру немецкие историки предпочитают использовать вместо научных терминов публицистические суррогаты. Совершенно очевидно, что не весь период советской истории и соответственно репрессий связан с именем И. В. Сталина. Не требует также доказательств и тот факт, что интенсивность репрессивных действий в Советском Союзе была разной, и каждый раз обусловленной разными историческими и политическими причинами. Но в современной Германии политически более корректно и более удобно списывать все грехи на И. В. Сталина.

Даже Г.-У. Велер говорит о характерной якобы для советского периода политике уничтожения классов и национальностей. И если по первому вопросу еще можно спорить, то для историков подобного уровня непροститительно делать такие ошибки и приписывать советской системе то, чего в ней никогда не было. Впрочем, все эти немецкие историки не являются специалистами по России.

В свою очередь и М. Штюрмер и К. Хильдебранд обвиняли Ю. Хабермаса в том, что он не является специалистом в области истории. Но надо обладать очень большой долей самонадеянности, чтобы утверждать, что рассуждения о «связи» между высказываниями А. Гитлера о «камере с крысами» и его элиминаторной политикой имеют хотя бы какое-то отношение к исторической науке.

Вообще некоторым фоном всех этих дебатов выступает определенный политический заказ – взять курс на «нормализацию» немецкой истории. Это совершенно необходимо, как вероятно думают заказчики, для формирования «здорового немецкого патриотизма», ведь история немецкого государства с момента своего относительно недавнего создания (1871 г.) не дает большого количества примеров для этого. Ну а если вспомнить, что сам Вильгельм II весьма однозначно был настроен в связи с возможным физическим устранением евреев и русских, становится понятным стремление некоторых немецких историков таким образом препарировать свою историю, чтобы там появились основания для политически корректного в современном политическом контексте патриотизма. Может быть, все эти попытки и были бы внутренним немецким делом, но многочисленные историки в Германии стали в интересах своего патриотизма достаточно наглым образом извращать российскую историю.

Создается впечатление, что неоконсерваторы отдают себе отчет в том, что подправленный вариант немецкой истории возможен только за счет искажения и соответствующей интерпретации тех событий, которые имели место в прошлом. Они хотели бы регенерировать национальное немецкое историческое сознание, отбросив при этом все, что не вписывается в их концепцию. Они, таким образом, выводят за скобки германской традиции и собственно период нацистского правления, прусский милитаризм, богатую историю антисемитизма в этой стране, отсутствие демократических традиций, спущенную сверху западными союзниками по антигитлеровской коалиции современную модель демократии и т. д.

Именно поэтому собственно «спор историков» нельзя считать только спором историков. Эта дискуссия предельно политизирована, у нее есть определенный политический заказ, и она реализуется преимущественно в средствах массовой информации, которые обладают значительно большим воздействием на людей, нежели отдельные исторические трактаты.

Одним из важных шагов в этом направлении является правильный выбор образа врага. Для нацистской Германии главным врагом были евреи и «иудейский большевизм». Для современной модели демократии западного образца такой вариант не приемлем. Поэтому акцент смещается на Сталина, на Россию и на русских. Этот прием имеет еще и наукообразное название – «экстернизация зла», то есть используется механизм проецирования зла вовне, как будто его нет в истории собственной страны.

Это нетрудно сделать, так как при такой постановке вопроса легче уйти от исторической ответственности. Кроме того, ненависть к русским (Russenhass) является некоторой константой в немецком национальном сознании уже достаточно продолжительное время. Россия, к тому же, еще очень удобная мишень. Никакого отпора ожидать не приходится, более того, можно даже наполнять книжный рынок России сочинениями, в которых открыто пропагандируются лишенные исторической правды взгляды современных немецких неоконсерваторов.

Г.-У.Велер называет все это попыткой неоконсерваторов провести «правую культурную революцию». К этому можно было бы добавить – за счет России, демонизировав ее до пределов возможного. Вопрос только в том, насколько эта задача осуществима в условиях современного информационного общества.

Иногда складывается такое впечатление, что ограниченный доступ к некоторым историческим документам, в том числе и антисемитского содержания, косвенным образом играет на руку тем, кто пытается очистить историю Германии от неудобных и политически некорректных эпизодов. Здесь можно сказать, что от запрета до полного забвения – только один шаг.

Однако эта планируемая или уже осуществляемая «правая революция» имеет и существенный внутривнутриполитический аспект. Немецкие неоконсерваторы пытаются установить жесткий идеологический контроль в самой Германии, пытаясь узурпировать право на толкование и интерпретацию истории.

У современной Германии есть богатый опыт замалчивания определенных неудобных исторических событий. Конечно, можно говорить о том, что история антисемитизма начинается якобы с «Протоколов сионских мудрецов» и связана поэтому, в первую очередь, с Россией. Но для такой постановки вопроса нужно о многом умолчать. Например, не упоминать о том, что «Германская социальная партия реформ» в 1899 году потребовала в одном из своих программных документов полного физического уничтожения евреев.

Достоевский справедливо говорил о том, что «простота – враг анализа». Но в данном случае речь идет не об анализе, а о воздействии на огромные массы людей. Поэтому здесь работают стереотипы. В отношении России они не меняются в Германии. Одни негативные стереотипы уступают место другим. Но это необходимо для формирования именно того

варианта национального самосознания немцев, который бы в первую очередь устроил неоконсерваторов.

Глава II Краткая история антисемитизма в Германии

В «Энциклопедии третьего рейха» Луиса Снайдера, изданной в 1998 году в Англии, в статье об антисемитизме делается вывод о том, что это явление связано в первую очередь с «Протоколами сионских мудрецов» и с Россией.

И действительно, в современной западноевропейской справочной и научной литературе термин «антисемитизм» связывается прежде всего с Россией. Часто можно встретить также отсылки к еврейским погромам в Кишиневе. В любом случае в первую очередь упоминается нечто российское. Но антисемитизм, конечно же, не мог родиться в России в XX веке, поскольку он уже как минимум существовал несколько тысячелетий.

Не требует особых доказательств и тот факт, что собственно политический антисемитизм сформировался во второй половине XIX века в Германии и там же он приобрел специфические для этой страны элиминаторные черты.

В современной Германии часто говорят о том, что нацистское правление в этой стране продолжалось только 12 лет. Здесь мы опять встречаемся с «русским нексусом», с русским узлом, так как невольно напрашивается сравнение с Советским Союзом, где «тоталитарный строй» продержался более 70 лет.

При этом в Германии склонны одномерно, если не сказать поверхностно и примитивно, рассматривать этот период русской истории, не принимая во внимание различные периоды, в том числе и различные уровни «тоталитарности» или «репрессивности» советской власти. Но это сравнение очень «инструментально», как принято говорить в Германии, то есть оно хорошо служит определенным политическим целям.

Даже очень серьезные историки, такие как автор известной биографии А. Гитлера И. Фест, предпочитают рассматривать политический и элиминаторный антисемитизм как некоторый завезенный из-за границы продукт, имеющий якобы к собственно немцам мало отношения. Так, этот исследователь считает, что антисемитские настроения в начале XX века были широко распространены в Польше, Венгрии, Румынии, балтийских государствах, во Франции и даже в Англии. Ему даже удалось найти высказывание одного из лидеров фашистской партии в Англии, который в 1935 году предлагал решить еврейскую проблему «радикально и гигиенически» при помощи «камер смерти» (Fest, 693).

Здесь не следует забывать, что именно И. Фест, будучи издателем влиятельнейшей в Германии газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», предоставил возможность Э. Нольте выступить со своей известной статьей об упрямом прошлом Германии. Есть все основания полагать, что взгляды Э. Нольте не являются чуждыми для И. Феста, и он также пытается искусственно подчистить немецкую историю.

Никто не будет отрицать, что правление нацистов продолжалось в Германии 12 лет. Однако путь к нацистской диктатуре с ее элиминаторным расизмом был значительно более продолжительным.

Если мы немного углубимся в немецкую историю и возьмем в качестве точки отсчета при анализе элиминаторного расизма в Германии образование германского рейха (1871), то картина будет уже несколько иная. Это уже не «почти безобидные» 12 лет, а подходит к целому веку.

Можно также взять за точку отсчета 1524 год, когда была опубликована работа Мартина Лютера «Евреи и их ложь». После этого в обывательском немецком сознании термины «евреи» и «ложь» оказались тесно связанными. Разумеется, нацистские идеологи часто ссы-

лались на М. Лютера, так что есть достаточно оснований считать, что и расовый и элиминационный антисемитизм имеют в Германии многовековую традицию.

В качестве примера можно привести сказку братьев Гримм «Еврей в колючке», в которой героя вешают за воровство и обман, так как это якобы вообще в природе «этой расы».

Гёте также осознавал еврейскую проблему как одну из центральных и сделал на этот счет достаточно много недвусмысленных замечаний. Так, например, он как-то сказал, что никто не берется оспаривать тот факт, что евреи ведут свою родословную от Адама, но только у европейских народов другие предки. Как известно, с И.-В. Гёте случился приступ «страстного гнева», когда он узнал о том, что закон 1823 года разрешил немцам жениться на еврейках.

Вся концепция немцев как «расы творцов» строится на этом противопоставлении себя «паразитирующим» евреям. Эти же взгляды пропагандировал и Р. Вагнер, считавший, что еврейские композиторы в музыке способны только к плагиату, то есть воровству.

Так называемый «латентный период» немецкого антисемитизма выходит за рамки исследуемой нами в данном случае темы, тем не менее следует назвать несколько известных его представителей – это философ Иоганн Готлиб Фихте, автор современного германского гимна Гофман фон Фаллерслебен, философ Людвиг Фейербах, философ Артур Шопенгауэр, музыкант Франц фон Лист, военный стратег Гельмут фон Мольтке и многие, многие другие.

Принято считать, что этот «латентный» период антисемитизма закончился в Германии в 1861 году, когда под псевдонимом Г. Науд в этой стране была издана ставшая популярной книга «Евреи и немецкое государство». Какое-то время автором этого произведения считался О. фон Бисмарк. Автор книги, кем бы он на самом деле ни был, предупреждал немцев, что евреи опасны именно тем, что они превыше всего ставят в жизни материальную выгоду.

* * *

Победоносная война против Франции 1870–1871 годов имела для самой Германии серьезные последствия. Это было время не только образования нового объединенного под эгидой Пруссии немецкого государства, но и время формирования в этой стране политического и расового антисемитизма. Этот вопрос, несомненно, является ключевым для истории Германии.

Следует отметить, что и сам термин «антисемитизм» появился на свет в Германии в 70-е годы XIX века. «Еврейский вопрос» стал одним из самых злободневных в кайзеровской Германии. К этому времени еврейское население этой страны было уравнено в правах с «коренными» немцами. Численность евреев в Германии составляла тогда немногим больше одного процента (1,25 % или примерно 550 тыс.) от общего числа населения этой страны, но уже в начале 1870-х годов количество евреев среди студентов в Германии составило 10 %. Это означает, что в процентном отношении студентов-евреев было почти в восемь раз больше, чем немцев. Что касается банковского дела и биржевой торговли, то в этих областях количество евреев превышало в некоторых городах 90 %.

В начале 1870-х годов в Германии заговорили о «берлинском стиле жизни», что подразумевало господство лжи и поклонение мамоне. Почти все негативные явления, связанные с развитием в первую очередь спекулятивного капитала и биржевой торговли, связывались с еврейским населением страны. В Германии тогда говорили, что победа над Францией не привела страну к внутреннему миру и гармонии, а, напротив, обострила многие социальные конфликты.

Многие немцы считали в целом аморальной политику самого канцлера О. фон Бисмарка. При этом надо учитывать его страсть к обогащению и приобретению земельной

собственности, в чем ему активно помогал бывший мелкий агент братьев Ротшильдов Герсон Блейхредер, ставший не без помощи своего немецкого покровителя одним из влиятельнейших людей в Германии.

Уже к 1876 году в германском обществе широкое распространение получило мнение о том, что результатами побед Пруссии над Австрией и Францией воспользовались только евреи.

Коррупционность верхов была заметна не только для «этнических немцев». Так, Эдуард Ласкер – еврей по происхождению – выступил с заявлением о том, что между правительством и представителями биржевого и спекулятивного капитала существуют тайные соглашения.

Много внимания уделил проблеме евреев в Германии и знакомый многим благодаря классику марксизма-ленинизма Ф. Энгельсу немецкий философ Евгений Дюринг. Особенно популярной стала его книга «Еврейский вопрос как вопрос причинения расового вреда», которая была издана в начале XX века и в России.

Вот что предлагал сделать этот немецкий философ: «...Еврейскую национальность нельзя обезвредить ближайшими простыми ограничениями. Единственно удовлетворительный ответ на еврейский вопрос может состоять только в устранении всего рассматриваемого типа. Если в первых изданиях этой книги, под влиянием весьма ненадежных усмотрений, и рекомендовались какие-то полумеры, то теперь, судя по всему, что доселе принес нам опыт, это было бы совсем неуместно. Миру нужно решительным образом разделаться с еврейским народом» (Дюринг, 167).

* * *

Вскоре Бисмарк, несмотря на все свои прошлые победы, полностью утратил поддержку со стороны консерваторов, которые перешли к открытой критике созданного им режима и его самого. В тот момент было даже трудно отделить критику в адрес О. фон Бисмарка от заявлений и высказываний антисемитского характера.

Сигналом к всеобщей антисемитской мобилизации в германском обществе послужила серия статей журналиста Отто Глагау (Otto Glagau), которые стали публиковаться с декабря 1874 года в журнале «Гартенлаубе». Основной темой для О. Глагау стала критика коррумпированного правительства и его связей со спекулятивным капиталом. Тираж этого издания тогда составлял 460 000 экземпляров, что обеспечивало ему читательскую аудиторию как минимум в два миллиона (Stern, 690). Через некоторое время все эти статьи О. Глагау издал в виде двухтомника, который имел также большой успех.

По современным понятиям О. Глагау занимался журналистскими расследованиями и собрал богатый материал о том, как создавались финансовые компании, кто стоял за спинами номинальных владельцев, кто из членов правительства имел к ним отношение, и т. п. Во главе этого списка автор поставил главного банкира О. фон Бисмарка Г. Блейхредера и его компанию «Дисконто-гезельшафт».

От скрытого антисемитизма О. Глагау довольно быстро перешел к открытому и обвинял уже евреев в Германии во всех смертных грехах. Но в первую очередь ему не нравились их высокомерие, их бахвальство и выставление напоказ своего богатства. О. Глагау был убежден сам и пытался убедить своих читателей в том, что евреи при помощи биржевых и финансовых махинаций украли у немецкого народа миллиарды рейхсмарок.

В 1875 году в газете «Кройццайтунг» стали регулярно публиковаться разоблачительные статьи Франца Перро (Franz Perrot). Он также открыто говорил о том, что плачевное состояние германской экономики объясняется в первую очередь политикой Бисмарка и его приближенного еврейского банкира Г. Блейхредера.

Попытки со стороны О. фон Бисмарка оказать давление на эту газету ни к чему не привели, а его бывшие коллеги-консерваторы сохранили верность этому популярному изданию и продолжили борьбу против своего, как они теперь считали, бывшего единомышленника. На некоторое покровительство при императорском дворе нынешние противники О. фон Бисмарка также могли рассчитывать, так как им оказывала тайное содействие супруга императора Вильгельма I – Августа.

Уже в то время как протестантские, так и католические издания в Германии стали призывать к бойкоту еврейских фирм. Католические издания открыто выступили против господства евреев в Германии, подчеркивая при этом его вредоносное и даже смертельно опасное воздействие на немецкое общество. О. фон Бисмарка также обвиняли в том, что он затеял так называемый «культуркампф», то есть борьбу против католической церкви якобы специально для того, чтобы отвлечь внимание публики от его сомнительных финансовых авантюр с Г. Блейхредером. Большинство изданий стали обвинять евреев и в отсутствии патриотизма.

* * *

Характерным для Германии второй половины XIX века был также еврейский антисемитизм, о чем свидетельствуют и некоторые высказывания К. Маркса. Маркс был, как известно, крещеным евреем, как и его отец – советник юстиции Генрих Маркс – выходец из семьи потомственных раввинов. Как это ни покажется странным, но основоположник научного коммунизма не скрывал своих антисемитских настроений. Маркс считал, что подлинной свободой для евреев в Германии была бы их добровольная «эмансипация» от спекуляций и власти денег. В этой связи в несколько ином свете видится и критика К. Марксом капитализма как экономической системы, в которой господствует спекулятивный и биржевой капитал. Не случайно в его работах достаточно много резких выпадов против евреев с использованием расистской терминологии. Даже Ф. Лассалья он иногда называл «еврейским негром» (Stern, 649).

В 1873 году в Германии вышла книга известного журналиста Вильгельма Марра под названием «Победа еврейства над германством». Автор, не скрывая, подчеркивал расистский характер своих взглядов, хотя сам был «этническим евреем». В Германии принято считать, что именно он ввел в политический обиход слово «антисемитизм».

В. Марр утверждал, что евреи «стали в XIX веке ведущей социально-политической великой державой» (Stern, 693). «Еврейский цезаризм, – подчеркивал В. Марр, – это теперь только вопрос времени».

Другим известным представителем еврейского антисемитизма был влиятельный член парламента и этнический еврей Людвиг Бамбергер.

* * *

Распространение антисемитских настроений в Германии в 1870-е годы совпало по времени с ростом популярности расовых теорий. Это обстоятельство придавало политическому антисемитизму своего рода «научную» (конечно же, псевдонаучную) основательность.

В 1879 году одно из ведущих мест в Германии среди антисемитов занял Адольф Штекер (Adolf Stoecker), исполнявший в Берлине обязанности придворного проповедника. А. Штекер отличился тем, что был полковым священником во время войны с Францией, за что и был приглашен императором Вильгельмом I в Берлин в качестве придворного проповедника. Знакомство с берлинской жизнью сделало его убежденным антисемитом. Он считал, что 45 000 евреев, которые тогда проживали в столице Германии, – это «слишком много», это больше, чем общее количество евреев во Франции или в Англии. Одна из главных мыслей

этого служителя культа состояла в том, что евреи представляют собой смертельную опасность для немецкого народа.

Так получилось, что А. Штекер стал главным и очень умелым противником местной социал-демократии. Этот проповедник непосредственно обращался к немецким рабочим, и его слово часто оказывалось более убедительным, нежели его основных противников.

Ошибка придворного проповедника антисемитизма А. Штекера состояла, с точки зрения идеологов «третьего рейха», в том, что он считал одним из вариантов решения еврейской проблемы переход их в христианскую веру. Это противоречило основополагающему нацистскому тезису о защите чистоты арийской крови. По мнению А. Гитлера, еврей, как и негр, не мог стать настоящим немцем.

Будучи депутатом прусского парламента, А. Штекер активно использовал эту высокую трибуну для пропаганды своих взглядов. Но он был частым гостем и в рабочих кварталах.

Штекера активно поддержал в борьбе против еврейства ведущий германский историк того времени профессор Берлинского университета Генрих фон Трайчке (Heinrich von Treitschke). Он был выходцем из семьи военного, много занимался историей и был приглашен в Берлинский университет. Он призывал немецких евреев к тому, чтобы они стали полноценными немцами и отказались от своей веры, приняв христианство.

«Даже в самых образованных кругах, – подчеркивал Г. фон Трайчке, – среди людей, отвергающих любую церковную нетерпимость или национальную гордость, все говорят одно и то же: «Евреи – это наше несчастье» (Stern, 705). Этим лозунгом позже широко пользовались нацисты. Свои статьи антисемитского содержания Г. фон Трайчке публиковал во влиятельном издании «Пройсише ярбюхер».

Г. фон Трайчке во многом способствовал тому, что в сознании его современников ненависть к евреям стала составной частью любви к Германии. Г. фон Трайчке, и А. Штекер были представителями высшего сословия в Германии, и это обстоятельство придавало их взглядам особый характер. Особо сильное влияние имел Г. фон Трайчке на студенческую молодежь, так как этот потерявший слух профессор проповедовал свои антисемитские взгляды и с университетской кафедры. Не удивительно, что национальные студенческие союзы Германии ввели в свои уставы положения против евреев.

Особое внимание в своих статьях Г. фон Трайчке обращал на «засилие евреев» в немецких газетах. Он считал, что «еврейские перья» во многом определяют общественное мнение во многих немецких городах, что представляет собой явную опасность для немецкого народа.

Средний руки немецкий писатель и профессор Поль де Лагард (1827–1891) в своих статьях обращал внимание своих читателей на то, что, по его мнению, всех евреев объединяет ненависть как к христианству в целом, так и ненависть к немецкому народу. Он считал евреев «чуждым» элементом среди европейских народов, элементом, способствующим «разложению» германского народного тела. Эта тема о «разлагающем» влиянии евреев быстро станет очень популярной в Германии. Неосторожно брошенное достаточно либеральным историком Теодором Момзеном слово «разложение» только подкрепляло «научность» подобного рода тезисов (он назвал евреев в древнем Риме «ферментом космополитизма и национального разложения»).

Под влиянием получивших такое широкое распространение в обществе антисемитских настроений уже в начале 1880-х годов по инициативе самого О. фон Бисмарка в Германии стала проводиться ограничительная по отношению к евреям политика, которая во время правления Вильгельма II получила почти официальный статус.

При этом было бы неправильным считать О. фон Бисмарка антисемитом. Это был в первую очередь политик, и он действовал в своих политических и часто экономических

интересах, сообразуясь с обстоятельствами. Конечно, можно вспомнить его достаточно многочисленные высказывания антисемитского характера. Но главное даже не в этом. В Германии О. фон Бисмарк тесно связан с одной также важнейшей для этой страны темой, которую многие формулировали как отношение «князя и еврея». Учитывая близкие деловые отношения между Г. Блейхредером и О. фон Бисмарком, можно сказать, что эти два человека, обладавшие колоссальной властью, хорошо вписываются в эту категорию. На эту тему много размышлял и сам А. Гитлер, у которого нельзя не заметить достаточно прохладного отношения к «железному канцлеру».

Большой популярностью у современников пользовалась книга берлинского литератора Теодора Фритча (1852–1933) под названием «Учебник по еврейскому вопросу». Впервые эта книга, которую очень высоко оценивал А. Гитлер, была издана в 1887 году и после этого выдержала почти 50 изданий. Т. Фритч, инженер по образованию, оставил свою специальность и решил посвятить всю свою жизнь борьбе против, как он считал, главного врага немецкого народа – евреев. В его терминологии эта цель формулировалась уже как «очищение тела немецкой нации» от чуждого ему расового элемента – еврейства. При этом автор подчеркивал, что он даже не считает евреев народом, предпочитая называть их «псевдонародной» сектой.

При этом Т. Фритч не допускал никаких компромиссов и настаивал на том, что единственным решением еврейского вопроса в Германии является «очищение» немецкого народного тела от инородного влияния. Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с достаточно ясно выраженными элиминаторными настроениями ведущих представителей немецкой интеллигенции по отношению к определенной части своих сограждан.

Т. Фритч был убежден, что, выступая в защиту «либерализма», немецкие евреи на самом деле пекутся только о своих экономических и политических интересах. Но, помимо этого, евреи, по его мнению, являются не только политическими противниками немецкого народа, но и совершенно чужды ему в расовом отношении.

Ссылка на расовые теории, столь распространенные в то время в Европе, по сути дела означала научное обоснование высказываемого мнения. Вся история толковалась как расовое противоборство, а точнее, как попытка евреев установить господство над европейскими христианскими народами. Антисемитизм в Германии в то время основывался, в том числе, и на интерпретации мировой истории с расовой точки зрения.

Уже у Т. Фритча можно найти «научное» разделение рас на «созидающие» (читай: арии) и «разрушители» (читай: евреи). Особое внимание Т. Фритч в своем «Учебнике» уделил критике теоретического наследия евреев. Критика эта начинается уже с Ветхого Завета. Кроме этого он много внимания уделил разбору основных положений Талмуда и Шулхан-аруха.

В 1902 году Т. Фритч стал издавать журнал «Хаммер», в котором продолжал начатое им ранее дело по очищению «тела» германской нации. При этом журнале было также создано издательство, в котором выходило большое количество литературы по большей части антисемитского содержания. В его издательстве в 1920 году вышли в немецком переводе «Протоколы сионских мудрецов».

Т. Фритч, как и многие его единомышленники, вели борьбу против евреев, преодолевая, как они сами заявляли, их яростное сопротивление и даже рискуя собственной жизнью.

На самом деле еще большей опасности подвергались в Германии сами евреи, о чем свидетельствует убийство в 1924 году еврея Вальтера Ратенау. Среди политических деятелей, близких по духу Т. Фритчу, убийца этого влиятельного политика воспринимался как «герой» и «спаситель» немецкого народа.

В 1880 году под антисемитской петицией в Германии было собрано более 250 тыс. (!) подписей. Авторы этого политического документа потребовали от правительства, и в первую очередь от О. фон Бисмарка, ограничить въезд в страну евреев, запретить им занимать государственные должности, сохранить христианский характер школьного образования, а также возобновить публикацию статистических данных относительно численности еврейского населения в стране. Кстати, главным организатором сбора подписей под этой петицией был Бернхард Форстер, шурин известного философа Ф. Ницше.

20 ноября 1880 года эта петиция бурно обсуждалась в прусском парламенте. Некоторые депутаты, прежде всего представитель партии Центра Бахем (Bachem), привели в своих выступлениях красноречивые примеры «еврейского террора» в Германии. А упоминавшийся уже придворный проповедник А. Штекер предупредил прогрессистов о том, что их дальнейшая идентификация с евреями приведет к политическому краху самой партии.

В начале 1920-х годов Т. Фритч критиковал НСДАП, так как считал, что эта партия оказывает негативное воздействие на «народническое» движение. Однако уже в 1929 году он меняет свою позицию и называет А. Гитлера «спасителем» немецкого народа. В свою очередь все заметные фигуры национал-социалистического движения с особым почтением относились к Т. Фритчу, а А. Гитлер, как уже отмечалось, высоко ценил его книгу «Учебник по еврейскому вопросу» и имел эту книгу у себя в библиотеке.

В начале 1890-х годов в Германии была издана книга профессора Юлиуса Лангбена «Рембрандт как воспитатель». Первоначально она была издана анонимно, но эффект от ее появления многие в Германии сравнивали с эффектом разорвавшейся бомбы. Уже через несколько недель после выхода в свет было продано больше 100 тыс. экземпляров этой книги. Позднее в одной из библиотек Мюнхена с этой книгой внимательно ознакомился и А. Гитлер.

Ю. Лангбен пробовал себя на поэтическом поприще, но без особого успеха. Более того, против него были выдвинуты обвинения в литературной порнографии. Скрываясь от преследования со стороны германских властей, он в 1893 году переселился в Вену, где попал под влияние воинствующего антисемита бургомистра Вены Карла Луэгера, к идеям которого был небезразличен и молодой А. Гитлер.

Ю. Лангбен был вынужден бежать и из Вены, и вообще он вел достаточно сомнительный образ жизни. Его метания привели его в лоно католической церкви, а затем и в орден доминиканцев.

Скрывающийся от правосудия полупорнографический поэт был убежден в том, что только одна раса на земле обладает способностью творить – это арии, в первую очередь германцы.

По мнению Ю. Лангбена, Рембрандт лучше, чем кто либо другой, представлял собой «низовую немецкую сущность», будучи одновременно и крестьянином, и аристократом. Великий голландский художник и был для беглого поэта воплощением идеального немца. Кроме того, Ю. Лангбен был убежден, что евреям, если они будут оставаться евреями и не растворятся в христианской массе, нет места в немецком обществе.

Не удивительно, что Ю. Лангбен не был в восторге от демократии. Его идеалы были ближе к цезаризму, он сам жил в ожидании пришествия «фюрера», вождя, и успешно передавал свои ощущения немецкой молодежи.

Как и для многих других авторов этого направления для Ю. Лангбена было характерно последовательное ужесточение его позиции по отношению к евреям. В 37 (!) издании «Рембрандта как воспитателя» он уже откровенно говорил о том, что современные «плебейские по своей сути» евреи являются «смертельным ядом» для немецкого народа и с ними надо

поступать соответственно. В 39 (!) издании книги евреи уже стали для него «временной чумой и холерой».

В процессе работы над очередными изданиями своего «Рембрандта» Ю. Лангбен переписывался с Т. Фритчем и использовал его критические замечания. Сходные взгляды он изложил и в следующей своей книге, получившей достаточно странное название «Немец Рембрандт».

Есть все основания считать, что Ю. Лангбен был одним из весьма влиятельных теоретиков и основоположников расового антисемитизма в Германии.

Идеи Ю. Лангбена были чрезвычайно популярны среди берлинской молодежи, особенно среди группы, получившей название «Перелетные птицы», которые устраивали свои собрания в Штеглице – одном из районов Берлина.

К числу заметных фигур в истории германского политического антисемитизма следует отнести политика и публициста Макса Либермана фон Зонненберга. В 1881 году он принял самое активное участие в подготовке петиции, призывавшей к ограничению влияния евреев в германском обществе. Это сделало его сразу одним из лидеров «народнического» движения в этой стране.

У М. фон Зонненберга сложились тесные отношения, основанные на взаимной политической симпатии, с придворным проповедником и известным антисемитом А. Штекером.

Будучи главным редактором газеты «Дойче фольксцайтунг», М. фон Зонненберг оказывал значительное влияние на общественное мнение, активно проповедуя свои политические взгляды. Его возможности значительно расширились, когда в 1890 году он стал депутатом рейхстага. В своих политических взглядах он опирался в основном на расовую теорию Х.Ст. Чемберлена.

Гвидо Лист, родившийся в 1848 году в Вене и оказавший достаточно заметное влияние на молодого А. Гитлера, к концу XIX века был весьма влиятельной и авторитетной фигурой в среде австрийских немецких националистов. Для того чтобы придать своему имени большую весомость, он самовольно присоединил к нему аристократическую приставку «фон». В 1895 году Г. фон Лист издал книгу «Вхождение Остары», в которой он описал, как патриарх германских богов Вотан клянется покончить с тысячелетним подавлением германского народа. Именно в момент этого освобождения германская богиня весны Остара и должна была, по мнению автора, войти в Австрию, заявив, таким образом, об освобождении племени ариев.

В 1902 году Г. фон Лист на какое-то время ослеп, но одновременно, по его собственному заявлению, обрел внутреннее зрение, что позволило ему познать все тайны германского мистицизма и эзотеризма.

Вновь обретший зрение мистик перенес свой мистический опыт на бумагу и направил свою книгу в Императорскую академию. Оттуда рукопись была возвращена без каких-либо комментариев.

Тогда в 1907 году, в год переезда А. Гитлера в Вену, было создано «Общество Гвидо фон Листа», основной целью которого было собирание средств, необходимых для публикации его мистических откровений.

Самую активную поддержку Г. фон Лист получил от «всегерманской» националистической печати. Одним из почетных членов этого общества был влиятельный бургомистр Вены Карл Луэгер.

Штаб-квартира «Общества Гвидо фон Листа» находилась совсем недалеко от первой квартиры А. Гитлера и располагалась в шестом районе австрийской столицы.

Все основные книги Г. фон Листа, в том числе «Загадка рун» и «Переход от вотицизма к христианству» были опубликованы в первые годы жизни в Вене будущего немецкого «фюрера».

Г. фон Лист настаивал на том, чтобы гражданские права предоставлялись только представителям арийской расы. Главными врагами ариев он считал католическую церковь, евреев и масонов. По его убеждению, все эти перечисленные враги ведут войну на уничтожение (Vernichtungskrieg) против арийской расы. В связи с этим арийский мистик активно проповедовал войну, которую должны начать и победоносно завершить арио-германцы. В результате этой победы в мире он планировал установить господство «правлящего человека» (Herrenmensch), то есть немцев над низшими расами, или «недочеловеками».

Для подготовки будущих победоносных битв против «недочеловеков» по инициативе Г. фон Листа были образованы тайные арийские организации, созданные по типу масонских лож. Как раз в год переезда А. Гитлера в Вену Г. фон Лист создал организацию, получившую название «Арманенштафт», членом которой он отбирал непосредственно сам.

Все эти тайные или полутайные общества расовой направленности имели часто между собой самые тесные контакты. Так, например, известно, что у последователей Г. фон Листа были тесные отношения с учениками Л. фон Либенфельса. Помимо этого австрийские общества имели самые тесные контакты с «Байрейтским кружком», а также с членами «Общества Туле». Почти все эти группировки использовали в качестве одного из своих символов свастику, которая стала на рубеже веков чрезвычайно популярна как в Австрии, так и в Германии.

В сохранившейся личной библиотеке А. Гитлера есть книга с дарственной надписью от одного из членов «Общества арманов» Бабетты Штайнингер, которая обращается к нему как к «брату». Есть и другие свидетельства того, что, скорее всего, он был членом одного из тайных обществ, находившихся под покровительством Г. фон Листа.

В своих выступлениях А. Гитлер часто использовал «тезис» о том, что только «арии» являются расой, способной создавать культуру. На протяжении всей жизни он пытался представить себя как «борца за культуру» против элементов «разложения». Эту ссылку на «борьбу за культуру» он часто использовал в качестве оправдания своей элиминаторной расовой политики. Нет сомнений в том, что и в этом он был очень близок к взглядам Г. фон Листа.

К числу основных идей А. Гитлера, истоки которых легко проследить в его венском наследии, можно причислить также намерение «очистить арийскую расу» от всех чуждых элементов. Вообще можно сказать, что «сохранение чистоты крови», а также культивирование новой «чистой расы» были одними из главных пунктов в идейном наследии А. Гитлера. Вот что он говорит в одном из выступлений 1939 года в Мюнхене: «...мое мировоззрение говорит мне, что я должен сохранять в чистоте наше народное тело и оберегать его от чуждой крови» (Hamann, 201).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.